

# Теофил Рихтер, отец Святослава

В застенках НКВД он умолял не трогать жену и сына

Владимир СМЕРНОВ

Волею судьбы я получил по завещанию архив Владимира Афанасьевича Швеца, музыковед, композитора, поэта. Его дневник, который он вел с 1940 по 1991 год, открывает судьбы многих музыкантов, поэтов, композиторов за полвека их жизни в Одессе, подробности событий, происходивших здесь, в том числе политических. Как в «Унесенных ветром» — множество судеб разных людей, попавших в вихорватот века. Большинство этих имен сейчас практически забыто. Среди них — имя Теофила Рихтера, отца великого пианиста.

Известно, что Святослав Теофилович Рихтер, прошедший детство и юность в Одессе, никогда потом не приезжал сюда на гастроли. Почему? В литературе одесская часть истории семьи вообще никак не отражена. Записки Швеца проливают свет на самые трагические ее страницы.

Поступив в 1940 году в Одесскую консерваторию, автор дневника подружился с одноклассником Сергеем Хилуновым, который рассказывал Швецу о своем друге, сыне преподавателя консерватории Святославе, его тогда называли Светик. О его музыкальной одаренности ходили легенды — после одного-единственного проигрывания он мог сыграть все это без нот, запомнив тут же наизусть.

В 1938 году (в 23 года) Святослав внезапно уехал из Одессы в Москву. А в 1941-м стало известно об аресте Теофила Рихтера, отца Святослава.

Швец называет фамилию женщины, написавшей донос. Она работала в Консерватории выходного дня. Не хочу называть ее, так как подтвердить или опровергнуть эту версию, скорее всего, невозможно.

Теофил Рихтер был расстрелян в ночь с 6 на 7 октября 1941 года. Вместе с ним расстреляны еще 23 человека, из них шестеро — немцы. Акт военного трибунала утвержден Военным советом Одесского оборонительного района.

Швец записывает: «Его держали в тюрьме около кладбища и перед славей города немцам (они вошли 17 октября. — В.С.) расстреляли, а труп выбросили на кладбище вместе с другими. Там якобы его разыскала Анна Павловна (жена) и похоронила на Польском кладбище без креста и надписи. Святослав инкогнито приезжал на могилу, но неизвестно, нашел ли он эту могилу».

И вот я читаю архивно-следственное дело №02774, начатое 26 августа и законченное 22 сентября 1941 года. Постановление на арест, расписка тюрьмы о принятии арестованного, протоколы допросов с 30 августа по 19 сентября (всего 11 допросов). Письмо Анны Павловны с просьбой пошадить больного

Автор — член общества «Одесский мемориал».



Виктор АХЛОНОВ

Всю свою жизнь Святослав Теофилович помнил, какую цену заплатил отец за то, чтобы сын жил и творил...

астмой и туберкулезом 70-летнего мужа, допросить знавших его людей, чтобы убедиться в его честности. Приговор суда от 3 октября, где единственным «свидетелем» был некий Юндт. Наконец, расписка самого Теофила Рихтера о том, что он ознакомлен с приговором.

...Он родился в Житомире в 1872 году, в семье музыкального мастера и настройщика, обрусевшего немца. Многие его родственники погибли, сражаясь за Россию: дядя — в Севастопольской кампании, старший брат Лука — в русско-турецкой войне, племянник Карл — в 1914 году. Обнаружившего выдающиеся музыкальные способности Теофила отправили учиться в Венскую консерваторию. Затем — возвращение домой, работа в музыкальном училище.

В Житомире он женился на русской девушке Анне, и в 1915 году у них появился сын Святослав, которого родители уже с трех лет начали обучать музыке. В 1916 году семья переехала в Одессу, где Теофил Рихтер стал органистом в лютеранской кирхе. И одновременно — преподавателем.

В середине 20-х годов консерваторская «общественность» заявила, что «служитель культуры не имеет права воспитывать советскую молодежь». Пришлось оставить церковь. С тех пор он — оркестрант оперного театра, исполнявший там органную партию.

Чтобы содержать семью, пришлось давать и частные уроки. По рекомендации пастора его учениками были дети немецкого консула Пауля Ротта. Святослав, подрабатывавший тогда концертмейстером в оперном театре, тоже бывал у консула.

В 1936 году арестовали знакомого Святослава — молодого композитора Сергея Орлова, он был обвинен в контрреволюционной агитации, в членстве в «группе фашистско-монархической молодежи». На допросах Орлова — позже он погиб в лагерях — спрашивали о Святославе. Не потому ли Святослав Рихтер бежал из Одессы в Москву?

Большое количество выявленных «врагов народа» гарантировало чекистам премии и повышение в чине, так что механизм по раскручиванию дел работал с перевыполнением плана.

Еще в начале 30-х годов НКВД проводил операцию «Особняк» — наблюдение за немецким консульством. Одним из ее главных действующих лиц был агент, он же лажей и курьер, а позже смотритель дома консула — Оскар Филиппович Юндт. Кличка — Продувной и Новый. Он-то и собирал сведения о посетителях консульства, частных разговорах, беседах во время званных ужинов. Все визиты Теофила и Святослава Рихтеров аккуратно фиксировались. Было известно, что Святослав «уделял внимание» дочери консула, «общался» с его сыновьями Паулем и Эрнстом.

Но агент Юндт тогда еще только ждал своего часа. В августе 1941 года на улице он завел разговор с Теофилом Даниловичем и услышал то, что хотел. Рихтер якобы сказал ему: «Скорее бы пришли немцы!». Свидетелей не было. В постановлении на арест старшему Рихтеру вменялись в вину посещения немецкого консульства.

Первый допрос продолжался три часа. Старший следователь Гланц поначалу осторожно расспрашивал об адресах в записной книжке. К примеру, этот, в Германии? То был адрес племянницы квартирантки, жившей в квартире Рихтеров. 70-летняя немка учила детей консула немецкому языку. Как она появилась? Кто рекомендовал?

Рихтер объяснил. Дальше, — больше. Он «признался», что консул любил фортепианную музыку, что платил за уроки «20 марок в месяц с переводом в торгсин». И даже, что он, Рихтер, «был желанным гостем».

Затем начался спрос о других гостях консульства. Следовательно,

конечно, заранее «все известно», ему нужны лишь подтверждения. Нужно было представить дело так, что Рихтер сообщал работникам консульства фамилии людей, годных для вербовки. Прием не новый — еще сотни лет назад «ведьмы» и «колдуны» сознавались на процессах в том, что задумали их мучители. Однако Рихтер отвечал твердо: «Нет, я не был агентом немецкой разведки». Но следователь нашел «способ», как заставить его «признаться». Он начал спрашивать о сыне.

Пришлось сказать, что Святослав — студент Московской консерватории, что живет у профессора Генриха Нейгауза. Тут уж следователь схватился за новую ниточку: «Бывает ли сын в немецком посылстве?»

Почему уехал из Одессы? Не для того ли, чтобы уйти от этой страшной темы — сын! — слесал Рихтер удивительное признание: «Да, я был агентом немецкой разведки». И его участь была решена.

На суде единственным свидетелем выступил все тот же Юндт. Последние слова старого музыканта: «Пошадите жену и сына!».

Через 20 лет, 10 августа 1961 года, начальник управления КГБ по Одесской области генерал-майор А. Куварзин получил письмо под грифом «Секретно» от начальника следственного отдела КГБ при Совете министров СССР генерала Чистякова: «Просим Вас дать указание произвести проверку обоснованности осуждения Т.Д.Рихтера». Проверка длилась гораздо дольше следствия — целых полгода. Был допрошен некто Рыбаков, разработавший дело «Особняк» и работавший с агентом Новым. К тому времени сам Юндт уже успел умереть. Исследованы материалы, связанные с деятельностью немецкого консульства. Нигде никаких порочащих Рихтера фактов, естественно, не было. Все допрошенные работники театра и консерватории характеризовали Теофила Даниловича как прекрасного музыканта, скромного, абсолютно порядочного человека: «Общительный, остроумный, мастер своего дела», «Лучший органист в Одессе», «Для семьи не существовало ничего, кроме музыки, которая была превыше всего».

Во время оккупации Анна Павловна Рихтер вышла замуж за профессора консерватории С.Д.Кондратьева (между прочим, он был учеником Сергея Ивановича Танеева), и за месяц до прихода советских войск они уехали в Бухарест. Говорят, что Святослав Теофилович, когда ему наконец разрешили выезжать за границу, повиделся в Германии с матерью, которой было уже за 80 лет.

Думаю, что в 30-е годы Святослава Рихтера спас отъезд в Москву. Иначе не миновать бы ему ареста вслед за отцом и лагерей. Даже если бы и остался жив, мир лишился бы того Рихтера, которого мы знали.